

Злата Хитрова

Романная
БАЛЕРИНА.

Мой последний танец для тебя!

Злата Хитрова

**Сломанная балерина. Мой
последний танец для тебя!**

«Автор»

2026

Хитрова З.

Сломанная балерина. Мой последний танец для тебя! /

З. Хитрова — «Автор», 2026

Я мечтала танцевать на большой сцене. Но однажды ночью случайно услышала, как Максим Орлов, богатый наследник и главный покровитель нашей академии, обсуждает травму моего партнёра. Теперь он знает, что я свидетельница. И превращает меня в личную прислугу, угрожая отобрать грант и оставить больного отца без помощи. Мне подкладывают острые предметы в пуанты, унижают перед студентами и заставляют молчать. Только звукорежиссёр Никита не требует покорности. Вместе мы находим доказательства, что академия присвоила музыку моего отца. На главном показе я должна исполнить чужой танец. Но сегодня они услышат настоящего автора. И наконец узнают, на что способна девушка, которой больше нечего терять.

© Хитрова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Злата Хитрова

Сломанная балерина. Мой последний танец для тебя!

Глава 1

В три ночи содержимое моей сумки лежало на кровати, а флешка — нет. Сначала проверила карманы, потом зачем-то снова проверила. Ладно. Джинсы поверх спальных шорт, кофта, ботинки. В ректорат я пошла в том, что сумела найти, не включая верхний свет.

На флешке была единственная копия работы для финального показа. Восемь гигабайт, на которые почему-то поместились и мои ночные репетиции, и общежитие на следующий год. Потеряю грант — платить за комнату сама не смогу. Папе опять назначили лекарства; он прислал список и сразу написал: «Не торопись, у нас есть». «Есть» у него обычно означало «как-нибудь обойдусь». Денег я ему не переводила уже две недели.

Зато днём вполне уверенно оставила флешку на столе ректора. После просмотра работы даже чехол не проверила. Секретарь велела прийти утром: кабинет закрыт. Я кивнула, ушла, а теперь представляла, как уборщица сгребает со стола всякую мелочь. В корзину вместе с бумажками. До утра можно будет сойти с ума несколько раз.

У служебного входа ветер задрал кофту до поясницы. Пока поправляла её, ладони успели взмокнуть — как перед экзаменом, когда на лестнице холодно, а тебя уже бросает в жар. Надо забрать свою вещь, только и всего. У Ивана Сергеевича Ланского сотня таких флешек. Может, он даже не заметит.

Дверь упиралась в перекошенную раму. Нажала плечом; сталь проскребла так, что я застыла, прислушиваясь к будке вахтёра. Никто не окликнул. Дальше шла вдоль стены, под единственной лампой у лестницы, и уже у кабинета приготовилась разворачиваться. Но дверь ректора тоже была не заперта. Вот тебе и «приходите утром».

Внутри пахло воском для паркета и табаком. Фонарик телефона осветил край письменного стола; я провела лучом по бумагам и не нашла своего потёртого чехла. В глубине комнаты кто-то говорил. Пришлось опустить руку, ещё не погасив экран: на секунду я решила, что сейчас меня поймает сам ректор.

За портьерой была малая переговорная. Там нервничал мужчина — отвечал быстро, срывался на высокие ноты. Другой голос звучал реже, и спутать его я не могла. Максим Орлов. На собраниях преподаватели дожидались его кивка, даже когда он сидел последним рядом. Наша академия охотно принимала деньги его семьи; фамилию Орлов здесь знали лучше, чем названия балетов.

— ...это будет выглядеть как случайность, — сказал первый.

— Случайность стоит денег, Григорий Аркадьевич. Ты сломал ему ногу. Мне нужен был сорванный номер, а не парень, который больше никогда не выйдет на сцену. Ты решил постараться ради Виктории?

Погасила фонарик. Прижалась спиной к стене и услышала, как ткань кофты зашуршала по обоям. Моему партнёру? Мы готовили финальную поддержку; после его падения преподаватель долго объяснял нам, что нельзя терять концентрацию. Парень сам виноват, мы все должны усвоить урок. Максим тогда тоже пришёл на репетицию. Стоял в стороне и смотрел, как его уносят.

Теперь он обсуждал, насколько удачно сломана нога.

Телефон хотелось убрать, но я боялась, что молния кармана прозвучит громче их разговора. Прижала его к животу. Из переговорной донёсся звон стакана, и я наконец отлепилась от стены. Уходить. Флешку заберу днём, при секретаре. Или заново сниму работу. Как угодно, только выйти отсюда.

Носок ботинка задел стопку папок у порога. Несколько листов съехали, зашуршали по полу. Я попробовала остановить их ногой, сделала только хуже.

В переговорной отодвинули стул. До двери оставалось два шага; одного мне не хватило. Максим пересёк кабинет, обогнал меня и захлопнул её. Ладонь осталась на ручке.

Сначала он посмотрел на телефон. Потом уже на лицо. Убрать его за спину я успела, но смысла в этом не было никакого: Орлов видел свет с самого начала. До ручки можно было дотянуться. Протянуть руку мимо его руки — и что? Он отойдёт и пожелает спокойной ночи?

— Алина Ветрова, — сказал он. — Ты искала справедливость?

Он знал мою фамилию. Наверное, стоило догадаться раньше: грант его семьи, мои документы, папина справка. Всё лежало у них.

— Я свою работу... Флешку забыла. Мне нужно её забрать. Я ничего не видела. И не слышала. Пожалуйста, я уйду.

Слова полезли одно на другое. В конце голос стал совсем тонким, как у того мужчины за портьерой. Максим улыбнулся; с такой улыбкой он стоял на фотографиях попечительского совета. Сократил расстояние, и мне пришлось задрать подбородок. От него пахло сандалом и сигаретами. В кабинете этот запах был слабее.

— Теперь ты знаешь слишком много, деточка. Или я должен отпустить тебя поболтать об этом?

Достал телефон, провёл по экрану пальцем. Можно было смотреть только на этот палец: нажмёт или пока не нажмёт.

— Ректор спит крепко. Но проснётся, если стипендиатка займётся промышленным шпионажем. Подслушивание переговоров, кража интеллектуальной собственности. Ты понимаешь, что тебе пришьют? Профессии у тебя больше не будет. А твой отец даже за консультацию юристу не заплатит.

Меня затошнило. Я прикусила щёку и держала зубы стиснутыми, чтобы он не услышал ещё и это. Хотелось ударить его, оттолкнуть от двери. Но на экране уже стояла фамилия ректора. Даже папе я звоню не по каждому поводу, чтобы не волновать, а этот мог сейчас позвонить и сообщить, что всё кончено.

— Что вам нужно?

— Работа тебе нужна? Деньги? Защита? — Он наконец опустил телефон. — Всё получишь. Будешь носить мой портфель, подавать пальто, выполнять поручения. На приёмах можешь мне надоесть, и я тебя не замечу. Остальные посмеются над твоим происхождением — тоже потерпишь. Ты станешь моей тенью, Алина. Личной вещью. Стипендиатка, студентка... Забудь эти слова, когда я позову.

Он включил свет у двери. Я зажмурилась, а когда снова смогла смотреть, нашла флешку. На столе, среди листов. Потёртый угол чехла — мой, я бы узнала его хоть под ногой. Можно забрать. Он стоит рядом, но вещь уже видно.

— Почему я? — До стола я всё-таки сделала шаг. — Виктория тоже здесь бывает. Она дочь ректора. Ей есть что терять.

Максим проследил взглядом за моими ботинками. Старые, сбитые носы, на одном не держится шнурок. Для ответа хватало и этого.

— Потому что ты голодная. Голодные делают, что скажут. Сытые торгуются долго и нудно, а потом предают. Ты хочешь, чтобы твоему отцу было чем снять боль? Тогда возьми.

Он подхватил флешку двумя пальцами и бросил вниз. Та стукнулась о паркет, перевернулась и остановилась у моего ботинка. Орлов не отошёл. Смотрел, как я решаю, стоит ли наклониться перед ним за собственной вещью.

Оставить её? Уехать домой, звонить папе уже из поезда? «Не получилось, меня лишили гранта». Он ответит, что ничего страшного. И опять начнёт обходиться без лекарств.

На колени я опустилась слишком резко. Повреждённая планка паркета зацепила джинсы, но сначала я схватила флешку. Вдавила край чехла в ладонь, чтобы уже никто не вытащил. Теперь встать. Подняться сразу, не ждать его разрешения. Нога вдруг не согнулась как надо, и я осталась сидеть на пятках.

Максим смотрел на моё колено. Улыбка постепенно сошла. Не поймёшь, чего теперь ждать: рассердится, что испачкаю пол, или велит ползти дальше. Он опустился рядом на одно колено и достал из пиджака платок. Белый, с монограммой «МО». Даже в этой позе брюки у него не смялись.

Руку он протянул к пятну на джинсах. Только тогда я посмотрела сама: проступила кровь. Там саднило, и ткань зацепилась за занозу. Я попыталась оттянуть штанину, но он остановил мои пальцы.

— Не дыши. На мне.

Сказал почти ласково. Платок прижал к колену, а свободной рукой взял меня за затылок. Я отклонила голову — пальцы тут же сжались крепче. Значит, платок можно принять. Отвернуться от него нельзя.

Флешку я держала одной рукой. Отпустив затылок, вторую мою руку он положил поверх платка, заставив прижимать его самой. Трясло уже так, что было видно по его манжете. Хотелось, чтобы он отпустил, хотя бы отодвинулся на полметра. Работа вернулась ко мне, но от этого дверь не стала ближе. Один неудачный ответ — и он снова всё отберёт.

Орлов встал первым, пригладил брюки. По нему нельзя было понять, что он только что сидел на полу с девчонкой, которую загнал в угол.

— Сегодня в восемь утра у главного входа. Портфель заберёшь у администратора. Улыбаться умеешь? Научись. Улыбка — часть униформы.

Ушёл в коридор. Я ещё посидела, пока не смогла выпрямить ногу, и только потом поняла, что могу швырнуть флешку ему вслед. К этому времени там уже никого не было. Да и не швырнула бы.

Через десять минут встала. Флешку убрала в карман, проверила сквозь ткань, потом опять проверила. В комнате сразу сделаю копию. Пусть завтра забирает хоть чехол, хоть весь накопитель — второй раз работу он не получит.

В стекле двери ректората отражалось моё лицо, а ниже — пятно на джинсах. Стёрла мокрую полоску с подбородка. До восьми надо ещё добраться до общежития, переодеться и замазать круги под глазами. Он только что говорил со мной о сломанной ноге, а я уже беспокоилась, что не приду вовремя.

Под потолком повернулась камера. Я натянула ворот кофты до подбородка и запоздало сообразила, что лицо она записала ещё на входе.

Глава 2

К третьему этажу кофе остыл. Лифт меня больше не возил: утром Максим отобрал пропуск за «опоздание». Без двух минут восемь оказались поздно. С лестницы я вышла, стараясь не хромать, и остановилась у табличек на дверях. У них тут у каждого имя с отчеством. Наши фамилии появлялись на этом этаже, только когда печатали приказ: зачислить, лишить, отчислить. И ещё внизу мелко — ознакомлена.

Дверь Орлова не была закрыта. Постучала, подождала. Со стаканом в руке ждать было неудобно: крышка уже съехала, а поправить её не хватало пальцев. Толкнула дверь и вошла.

Максим раскладывал документы по столу. На меня не посмотрел.

— Кофе. И портфель. Ты забыла портфель.

— Администратор не отдаёт его без сопровождения. Я просила. Говорит, правила безопасности.

Он поднял голову. В дневном свете глаза казались серее, чем ночью, но посмотрел он так же: скоро ли я перестану заниматься ерундой.

— Договор у администратора подпишешь. Четвёртый пункт: «Полное физическое обслуживание». Ты тень, Алина. Тени не жалуются на школьные правила. Существуют внутри них или исчезают.

Я поставила стакан ближе к его руке и задела крышку. Кофе попал на белую манжету. Салфетка была в сумке; пока вынимала, успела дважды сказать «простите». Максим рассматривал пятно, как будто я нарочно выбрала для него именно этот рукав.

— Вытри.

Потянулась к манжете. Он перехватил запястье и держал, пока я не перестала пытаться закончить движение.

— В глаза смотри, когда служишь. Это часть цены.

Пришлось вытирать, не глядя на салфетку. По краю пятна осталась коричневая полоса. Он её видел. Я тоже видела — и делала вид, что справилась, лишь бы он отпустил руку.

Портфель администратор всё-таки выдал. Даже нашёл в договоре место, где мне положено расписаться. Держала ручку неловко, потому что ночная рана саднила при каждом сгибе колена и от этого хотелось сжать всё тело разом. Назад Максим отдал и стакан: купить свежий кофе. Портфель на этом утреннем маршруте был единственной вещью, к которой никто не придрался.

У лифта стояли первокурсники. Я прижала кожу портфеля к груди и попробовала пройти боком. Высокий блондин подвинул ногу. Зацепилась носком, успела удержать стакан, зато портфель выскользнул. Кофе плеснул на белые брюки парня.

Он посмотрел вниз, и вокруг стало тихо. Теперь каждый ждал, с чего начнётся представление.

— Приживалка Орлова! — девушка у лифта первой догадалась, что сказать. — Ходить не научили? Грязная провинциальная коврижка.

Коврижка. Хоть бы нормальное оскорбление придумала. Я смотрела на выставленную ногу и представляла, как толкаю парня плечом, чтобы он тоже познакомился с полом. Потом представляла, кто первым позвонит Максиму. По их словам, не они выставили ногу — это я бросилась на первокурсника. От такой истории грант не спасёт.

Опустилась на колени, вытащила влажные салфетки. Пятно на брюках было небольшим. Даже если сейчас извиниться и уйти, он мог сам вытереть, без труда.

— Аккуратнее, — сказал он и повернулся, подставляя боковой шов.

Кто-то поднял телефон. Блондин посмотрел в объектив, улыбнулся, а мне показал на пропущенную каплю. Я тёрла её, и ткань намокала всё шире. Просить выключить камеру было нельзя: подарю им ещё и голос к видео. Что там напишут? «Новая служба уборки от спонсора». Они бы оценили.

— Тебе нравится быть ковриком, Алина?

Виктория остановилась в нескольких шагах. Каштановую прядь убрала за ухо; такие волосы у нас делали перед показами, чтобы лицо оставалось открытым со всех сторон. Она сначала посмотрела в чужой экран, потом на меня. Нашла удачный угол.

— Или к грязи своего происхождения ты привыкла?

Её балетки почти не скрипели. Каблук бы хоть предупредил, а так она подошла совсем близко, пока я соображала, что ей ответить.

— Это моя работа.

Лучше бы молчала. Виктория усмехнулась и отвернулась, уже получив всё, зачем подошла. Я забрала портфель с пола. Девушка с телефоном переслала видео; у Вики тут же засветился экран. Можно больше не стараться вытереть бьюки: главная работа сделана.

На репетиции меня поставили у станка. Мы готовили массовку к весеннему показу; солистка в центре снова не попадала в музыку, пианистка начинала заново. Инструктор проходил вдоль ряда и останавливался за моей спиной.

— Алина! Поза!

Руку подняла выше. Он видел, как дрожат пальцы, но не разрешал опустить локоть. За минутой проходила ещё одна, потом я сбилась. Надо считать фразы пианино, а не время. Пока считаешь, хотя бы знаешь, когда можно вдохнуть.

— Тело без денег всегда выглядит дешёвым, — бросил он. — Плечи вниз. Шея длиннее. Грузчик, а не лебедь.

Смеялись негромко. Преподаватель разрешал; можно было не стесняться. Я вытянула шею, в зеркале всё равно видела поднятое плечо и злилась на себя за то, что он сейчас опять окажется прав. Вечером ещё идти к Максиму, до этого надо остаться на ногах. Опустить руку нельзя было даже после того, как инструктор отошёл: в том же зеркале смотрела Виктория.

На шестнадцатом такте пальцы задрожали сильнее. Вот сейчас бы повернуться и спросить, ей не пора учить собственное соло? Я запомнила фразу. Пригодится, когда смогу сказать её вслух.

В шкафчике поверх куртки лежал лист, сложенный вдвое. Почерк неровный, ни имени, ни подписи.

«Он любит смотреть, как ты страдаешь. Но я люблю смотреть, как ты живёшь. Завтра, 23:00, старый склад. Принеси тишину».

Перечитала время. Кто это написал? Мой шкафчик не секрет, Орлов тоже не секрет, а человек уже как будто договорился со мной. Не спросил, хочу ли я встречаться. Просто велел принести какую-то тишину.

На секунду захотелось поверить. Я вспомнила глаза Виктории над мокрыми брюками и сразу представила, как она стоит на складе с телефоном. Или Максим — ещё хуже. Можно будет не только отобрать пропуск, но и узнать, кто пошёл искать помощи без разрешения.

Порвала записку и залила кусочки водой в мусорной корзине. Чернила расплылись. На склад я не пойду. Второй раз зайти ночью в чужое помещение — уже не рассеянность, уже старательная дурь.

Но одно слово прочиталось даже на мокром клочке: «Живёшь». Я перевернула его обратной стороной. Хватит. Куртку надеть и выйти, пока снова не передумала.

Ночью в кабинете Максима тикали часы. Днём за голосами я не обращала на них внимания; теперь от каждого щелчка хотелось поднять голову. Орлов держал стакан виски, я сидела на полу среди архивных папок.

— Перебирай. По годам.

Листы не помещались в старые обложки. Разгладила один, потянулась за другим; тот съехал под стол. Не успела достать: Максим взял меня за запястье. Пришлось повернуться, придерживая раскрытую папку коленом.

— Руки дрожат, Алина. Боишься меня больше, чем их?

Кивнул на коридор. Вечерние занятия ещё не кончились, оттуда доносились голоса студентов. Он ждал, какой ответ я выберу, и перекатывал стакан в свободной руке. Мог бы так и сидеть до утра: ему завтра не держать позу у станка.

Вырвала руку, поднялась, придерживаясь за стол. Он позволил. Значит, будет слушать.

— Я боюсь не тебя. Боюсь того, кем стану, если буду бояться.

Получилось громче, чем собиралась. Я сама услышала эту фразу и не смогла продолжить. Максим поставил стакан. Посмотрел на мой подбородок — я его не опускала — и перестал улыбаться.

— Интересная мысль. Для тени.

Вернулся в кресло. На следующую папку указал молча; я забрала её со стола, уже не опускаясь на пол. Он видел. Ни слова не сказал. Я разбирала листы стоя и всё ждала, что прикажет сесть обратно. Так и не приказал.

Дверь моей комнаты была распахнута. У порога валялась футболка, дальше — остальные вещи, вытасщенные из шкафа. Зеркало разбили, бельё с кровати сбросили. На стене помадой написали: «ШЛЮХА».

Под столом лежал колпачок. Виктория утром давала такую помаду подруге; я помнила, потому что стояла рядом со стаканом. Но войти сюда мог кто угодно. Замок даже не сломали.

Закрyla дверь и села у кровати. Не звонить Орлову. Если позвоню, он велит прибраться и спросит, чего ещё я ждала. Возможно, всё равно узнает; эти не станут скрывать, как весело провели вечер.

Стекло блестело у ножки кровати. Взялась собрать голыми руками, надрезала палец. Отдёрнула ладонь, прижала к футболке и достала полотенце. Продолжать руками я не собиралась: кто-то устроил это нарочно, но помогать ему не обязана.

Мелкие кусочки сдвигала краем блокнота, подсвечивая телефоном. Завтра буду здесь ходить босиком, так что оставить хоть одну блестящую точку нельзя. На ткани уже темнела кровь; я взяла салфетку, зажала палец и оглянулась на дверь. Молчала у лифта, молчала в зале. К вечеру за молчание мне разнесли комнату.

Надпись надо снять, пока не стёрла. Вернулась к порогу, чтобы в кадр вошли и стена, и зеркало. Максиму это не отправлю. Сохраню. Если завтра скажут, что я всё придумала, хотя бы самой не придётся вспоминать, было ли именно так.

С окном тоже ничего хорошего: отражение дублировалось, и моих бледных лиц стало два. За ними стояли фонари, а внизу прошёл ночной автобус. Остановился, подождал, уехал. Для него день продолжался совершенно нормально.

Я упёрлась ладонью в стекло, оставила красный отпечаток и выругалась: теперь ещё это мыть. От такой простой мысли вдруг дёрнуло губы. Первая улыбка за весь день вышла плохая, но настоящая. Не для Орлова, не для камеры.

— Хорошо, — сказала своему двойному отражению. — А вот это я вам не сотру.

Имела в виду снимки. Стекло утром всё-таки придётся отмыть.

Глава 3

Узел на ленте не затягивался. Порезанный палец я старалась не сгибать, остальные от этого тоже стали неловкими. Потянула сильнее, перетянула пуант и полезла развязывать. Опоздать на класс — пожалуйста, только не сегодня.

Виктория сидела неподалёку. От её духов в раздевалке даже дезодоранта не было слышно. Пока я возилась с лентой, к моим ногам упал её термос. Фарфоровый, с золотыми завитками, такой из сумки вынимать страшно, не то что бросать.

— Подними. Аккуратнее. Крышку уронишь — осколки зубами соберёшь.

Посмотрела на её руки. Ногти целые. Видимо, тут опасаться можно было только за мои зубы. Взялась за термос; крышка отскочила, и чай попал на запястье. От боли хотелось встряхнуть рукой, но тогда всё полетело бы на пол. Я удержала, вытерла капли о юбку и подала ей.

— Неуклюжая.

Вика проверила рукав и лишь после этого посмотрела, куда попал чай. На моём запястье кожа уже краснела. Она улыбнулась, забрала термос и больше мной не интересовалась. Утро получилось удачное.

В дверях появился Максим. Он не пошёл дальше, так что девочки выходили мимо него, по одной. Пальто на нём было чёрное, гладкое, без единого прилипшего волоска. Я убрала руку за спину, но поздно: он успел её рассмотреть.

— Неряшливо выглядишь, Алина. Грант требует безупречной формы. Исправь до репетиции. Иначе ректор узнает, что утренний класс ты прогуляла.

Он ушёл. У умывальника я подставила руку под холодную воду; сначала даже дышать стало легче. Потом посмотрела на часы. Уже пять минут как начался класс. Крем для лица лежал в сумке, можно было попробовать спрятать красноту, но мазать им ожог я не рискнула. Натянула рукав. «Исправила». Пусть проверяет форму, раз ему так нравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.